

**МЕЖДУНАРОДНОСТЬ ЯЗЫКА:
ЯЗЫКИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ СОЦИУМЕ
(К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР)**

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

***INTERNATIONAL LANGUAGE
IN A POLYLINGUAL COMMUNITY
(DEDICATED TO THE CENTENARY
OF THE USSR FOUNDATION)***

Vol. XIX, Issue 1, 2022

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

Том XIX

Выпуск 1, 2022

Хабаровск, 2022

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

**Vol. XIX
Issue 1, 2022**

Khabarovsk, 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);

А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинес Томас Мариано**, PhD (Испания);

Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;

И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);

У.М. Бахтикеева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;

Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;

Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловицевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьевая, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);

Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;

Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);

Мартин Кашорка, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);

М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;

О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);

Ю.А. Тюрина, д-р социол. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;

Ж.В. Петрунина, д-р ист. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

В.В. Халиман (web-мастер); **Е.В. Листопадова** (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик)

*В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р
научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке»
включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки»
по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:*

1. Философские науки: 09.00.01 – Онтология и теория познания;

09.00.03 – История философии; 09.00.11 – Социальная философия.

2. Филологические науки: 10.02.01 – Русский язык; 10.02.04 – Германские языки;

10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание.

3. Психологические науки: 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика.

Печатается по решению Совета ректоров вузов

Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер
и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,

Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabiyako, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Elena L. Lysenkova, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Zh.V. Petrunina, Doctor of Science (History), Professor

MANAGING EDITOR

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor

EDITORIAL STAFF

V.V. Haliman (Web Designer); **E.V. Listopadova** (Technical Secretary); **E.L. Riabkova** (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Far Eastern State Transportation University»

Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision:

Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОСТЬ ЯЗЫКА: ЯЗЫКИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ СОЦИУМЕ (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР)

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
РУССКИЙ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК	
Беляков <i>М.В.</i> , Максименко <i>О.И.</i> Русский язык за рубежом (Республика Корея)	12
Павлов <i>Ю.А.</i> Перспективы развития русского языка в современном мире	18
Чемоданова <i>С.М.В.</i> Наследники языка («эритажники») и сохранение русского языка как унаследованного в Соединенных Штатах Америки: обзор	28
Емельянова <i>Н.А.</i> Речевой этикет в контексте изучения русского и английского языков как иностранных	32
МНОГОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС	
Алешинская <i>Е.В.</i> «Дружба народов» в современном российском музыкальном дискурсе	41
Гензэ <i>В.М.</i> Англо-американские прецедентные феномены в русском контркультурном рок-дискурсе.....	48
Хабаров <i>А.А.</i> Этнокультурная специфика идеологической агрессии (на материале английского и китайского языков)	54
Терехова <i>Е.В.</i> , Збань <i>А.В.</i> Структурно-семантические типы и модели образования устойчивых словосочетаний (на материале текстов политического и СМИ дискурса).....	64
Уютова <i>Е.В.</i> , Поминова <i>А.М.</i> Структурно-семантические особенности терминологии международного англоязычного дискурса чрезвычайных ситуаций	70
Ловцевич <i>Г.Н.</i> Международность терминологии гуманитарных наук: миф или реальность?	79
Прошина <i>У.М.</i> Международный язык пандемии в онлайн корпусах	87
Ксенценко <i>О.А.</i> Полилингвальность в коммуникативном пространстве рекламы	93
Щербина <i>С.Ю.</i> Блондинки в анекдоте разных культур	99
ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
Антонова <i>А.М.</i> Инокультурная литература – искусство возможного	105
Белоглазова <i>Е.В.</i> Язык как личный выбор: о мультилингвальной языковой личности в литературе и политике	112
Лебедева <i>Е.С.</i> Литературное многоязычие Ольги Грушиной как особенность авторского стиля писательницы (на примере романов "40 Rooms" и "The Charmed Wife")	120
Урусова <i>Н.А.</i> Лингвокультурологические особенности образа Петербурга в биофункциональном повествовании Дж. Кутзее «The Master of Petersburg»	125
Галактионов <i>С.С.</i> Литература маорийского ренессанса и ключевые аспекты её перевода на русский язык	135
ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ	
Лысенкова <i>Е.Л.</i> , Ковынева <i>Е.А.</i> Два гения – один переводчик (Р.М. Рильке и Э.М. Ремарк: точки соприкосновения)	145

Годовникова Д.А. Переводческий комментарий как средство достижения репрезентативности на уровне текста (на примере названий судебных инстанций Великобритании и их перевода на русский язык)..... 150

Шишкина Т.Г. Влияние межъязыковой интерференции на качество перевода..... 157

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТЬ

Полубличенко Л.В. Английский как международный язык науки: вариативность, нормирование, стандартизация..... 162

Прошина З.Г. Интернационализация восточных слов через европейские языки..... 172

Ли Цзябао, Милянчук Н.С. Функционирование китайских семантических калек в рассказах Бориса Юльского..... 182

Иванов А.М. Заемствования из te reo Maori в русском языке..... 188

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Приграничное сотрудничество России и Китая в условиях вызовов начала 2020-х годов..... 197

Мусалитина Е.А., Ахметова А.В., Бобышев С.В. Современная система превентивной медицины в Китае (на примере провинции Хэйлунцзян) 204

Нечитайлов С.М., Ципкин Ю.Н. Правые социалисты Восточной Сибири и Дальнего Востока в условиях краха колчаковской диктатуры (1919–1920) 211

Садченко В.Т. Лексико-семантическая группа глаголов мысли в русских говорах Приамурья..... 220

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Иконникова Е.А. Литература русского зарубежья и её учебный потенциал (рецензия на два учебных пособия, изданных на Дальнем Востоке) 227

IN MEMORIAM 230

К СВЕДЕНИЮ..... 231

Научная статья

УДК 81'2-82-3

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-1-125-134

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ПЕТЕРБУРГА
В БИОФИКЦИОНАЛЬНОМ ПОВЕСТОВАНИИ ДЖ. КУТЗЕЕ
«THE MASTER OF PETERSBURG»**

Надежда Александровна Урусова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург»,
Санкт-Петербург, Россия, urusova308@gmail.com, orcid.org/0000-0002-9682-114X

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лингвокультурологических характеристик образа Петербурга в англоязычном романе Дж. Кутзее «The Master of Petersburg», протагонистом которого является Ф.М. Достоевский. Для придания достоверности своему биофикциональному повествованию автор искусно конструирует инолингвокультурный контекст, который создается лингвистическими маркерами русской культурной локализации текста. Однако намеренная игра автора с топографическими объектами в семантическом поле «факторографичность–функциональность» провоцирует возникновение когнитивного диссонанса у билингвального читателя, знакомого с топонимикой русского знакового города.

Ключевые слова: биофикция, образ Петербурга, инолингвокультурный контекст, билингвальный читатель, когнитивный диссонанс, Дж. Кутзее, «The Master of Petersburg»

Original article

**LINGUACULTURAL CHARACTERISTICS OF PETERSBURG'S IMAGE
IN THE BIOFICTIONAL NARRATION OF J. COETZEE "THE MASTER OF PETERSBURG"**

Nadezhda A. Urusova

National Research University "Higher School of Economics – St. Petersburg", Saint Petersburg, Russia,
urusova308@gmail.com, orcid.org/0000-0002-9682-114X

Abstract. The article explores linguacultural characteristics of Petersburg in J. Coetzee's English-language novel "The Master of Petersburg", the postmodern biography of the outstanding Russian writer F. M. Dostoevsky. For creating verisimilitude of his bio-fictional narration, the author skillfully constructs the external linguacultural context with the help of linguistic markers of Russian cultural text localization. However, the English author does not seek to create an actual representation of Petersburg, fulfilling the city space with fictional urban objects. This intentional play with the semantic correlation between reality and fiction provokes bilingual readers, acquainted with the toponymy of the Russian city, to suffer from cognitive dissonance.

Keywords: biofiction, image of Petersburg, external linguocultural context, bilingual reader, cognitive dissonance, J. Coetzee, "The Master of Petersburg"

Введение

Роман-биофикция лауреата Нобелевской премии Дж. Кутзее «The Master of Petersburg», описывающий вымышленный эпизод из жизни Ф.М. Достоевского – приезд из Дрездена в Петербург для расследования обстоятельств гибели своего пасынка Павла, – представляет собой «постмодернистскую игру на темы и "в духе" Достоевского» [1: с. 39]. Творчество русского классика, затрагивающее фундаментальные вопросы бытия, стало неоспоримым фактом мировой культуры. Сложный и противоречивый художественный мир его произведений вызывает желание у современных писателей вступить с ним в диалог и, попытавшись проникнуть в его сознание, в мир его идей и образов, предложить ответы на поставленные в его произведениях вопросы, которые до сих пор волнуют человечество.

Поэтому неудивительно, что англоязычный автор южноафриканского происхождения выбирает именно Ф.М. Достоевского на роль главного героя романа, в котором стремится «проанализировать и дать собственную трактовку целой исторической эпохи – России XIX в., обнаружить предпосылки исторических явлений и процессов, потрясших страну во второй половине XIX в.» [2: с. 161]. Дж. Кутзее волны те параллели, которые он увидел между революционной Россией XIX в. и драматическими историческими изменениями, происходящими во второй половине XX в., в его родной стране, ЮАР, где после падения режима апартеида начался террор по отношению к белому населению [3: с. 72]. «The Master of Petersburg» вступает в диалог с главой «У Тихона», исключенной из прижизненного издания «Бесов», «повествуя о взаимодействии авто-

биографии и "биографии другого" и их преобразовании в художественный текст» [4: с. 185]. Таким образом, магистральными темами биофункционального повествования Дж. Кутзее являются переосмысленная сквозь призму современности «нечаявщина», т.е. насильтвенная борьба за свободу, и загадка литературного творчества.

Дискурс Ф.М. Достоевского нужен Дж. Кутзее и для рефлексии о природе творчества [5]. Под влиянием русского классика англоязычный писатель обращается к теме страдания, которая является одной из основополагающих тем Достоевского. Погружая своего главного героя в бездну мучительных переживаний, Дж. Кутзее показывает, что именно боль, горе и трагические события в жизни являются материалом искусства, источником вдохновения и творчества. «Кутзее использует характерную для художественного мира Ф.М. Достоевского ситуацию прорыва в трансцендентное, вечное через прах земной» [1: с. 41], прибегая к излюбленным приёмам русского писателя, таким как описание сна героя, галлюцинаций, кошмаров.

Южно-африканский автор создаёт сложное интертекстуальное повествование, представляющее собой сплав биографических фактов из жизни Ф.М. Достоевского, автобиографических событий, включений из романов Достоевского и вымышленных элементов. Подобный метод функционально-факториального моделирования Э. Улманн называет рефракцией, подчёркивая, что его необходимой составляющей является наличие автобиографических предпосылок [6: с. 54], которые в данной биофикии представлены не только сходством исторической ситуации, но и трагической гибелью сына Дж. Кутзее: Николас сбросился с балкона в возрасте 23 лет, а в романе двадцатидвухлетний пасынок главного героя разбивается насмерть, спрыгнув с балкона дроболитной башни. «Мотив отеческой любви к своему ребенку, нестерпимой боли от его потери», связанный с третьей магистральной темой – конфликтом отцов и детей, – определяет основной тон повествования, а также его сюжетную линию и систему персонажей [1: с. 40].

Эпистемологический статус современного биографического повествования

Рассматриваемый в нашем исследовании биографический нарратив относится к экспериментальной форме художественного повествования, связанной с распространением постмодернистской философии и эстетики. Для обозначения данной формы мы предлагаем использовать термин «биофункциональное повествование», или сокращённо «биофикия», под которой понимается гибридная разновидность литературного биографического нарратива, объектом которого является *реальное* биографируемое лицо, а структурно-семантическая

модель повествования характеризуется эксплицитной игрой с биографическими и фактографическими данными в семантическом поле «фактографичность–фикиональность». Данная игровая модельность проявляется асимметрией референтных отношений «объективная биографическая данность»—«изображённая жизнь», «субъект»—«объект» повествования, «реальное биографическое время и пространство»—«хронотоп художественного повествования». Таким образом, одной из характерных особенностей биофункционального дискурса является творческое преобразование автором биографических и исторических фактов, а характерная для биофункционального хронотопа асимметрия основана на когнитивном механизме инконгруэнтности, под которой понимается «результат концептуального блэндинга нескольких ментальных пространств, нарушающий ожидания адресата и подлежащий интерпретации» [7]. Это несоответствие между когнициями автора и читателя вызывает у последнего состояние психологического дискомфорта, тем самым провоцируя возникновение когнитивного диссонанса. Отметим также, что когнитивный диссонанс возникает и вследствие двойной адресованности постмодернистских художественных текстов, ориентированных и на эрудированного, и на массового читателя, т.е. представляет собой компонент интерпретационной программы постмодернистского биофункционального текста [8].

Авторы современных биографических повествований «seek to represent a different type of truth from biographers («стремятся воссоздать другую правду, отличную от той, которую ищут биографы». – перевод наш) [9: с. 9]. Создавая экспериментальные биографические повествования, писатели-постмодернисты проблематизируют «истинность» предлагаемой истории жизни, размывая границы между реальными событиями и их интерпретацией в «романизированном» нарративе [10: с. 231]. По меткому выражению Д. Виарта, художники слова, работающие в биографическом жанре, ищут новый путь «aux confins du réalisme et du symbolisme (на границе реализма и символизма. – перевод наш.)» [11: с. 39], превращая protagonista своего произведения в нейкий обобщенный художественный символ.

Анализируя соотношение правдоподобия (фр. vérité) и реальности в биофункциональных повествованиях, ученые приходят к выводу, что подобные тексты содержат определенные элементы, которые подтверждаются научными исследованиями. Опора на задокументированный факт нужна писателю для того, чтобы убедить своего читателя в достоверности происходящих событий. Вымысел, основанный на авторской интуиции, также помогает достичь правдоподобия: оказывая воздействие на реальность или даже продуцируя реальность, он заставляет чи-

тателя поверить в достоверность жизненной истории, которая эксплицитно маркируется как вымышленная [12: с. 26]. Рассматривая достоверность как частный случай эпистемической модальности, отражающей «субъективную уверенность говорящего в фактуальном статусе пропозиции», В.Ю. Клейменова подчеркивает, что художественный текст обладает двойственной эпистемической модальностью, так как он репрезентирует уникальную авторскую интерпретацию действительности и собственную иерархию модальных значений, основанную на субъектно-оценочной модальности [13: с. 67, 69].

Постмодернистское биофициональное повествование, конститутивной особенностью которого является эксплицитное подчеркивание вымышленности, свидетельствует, что не существует однозначной оппозиции «реальность/вымысел», так как любой художественный текст представляет собой один из возможных референциальных миров, в основе которого лежит миметическая игра, направленная на поиск «связи между внутренним переживанием и отделенным от субъекта опытом <...> посредством работы над языком» [14]. Биофиция «предъявляет повышенные требования к интерпретационным компетенциям коммуникантов» [15: с. 48], так как читатели должны сами оценить степень «достоверности»-«недостоверности» представленных биографических данных.

Создавая свою версию биографии русского классика, «Кутзее опирался на реально произошедшие в ноябре 1869 г. события – убийство в гроте парка Земледельческой академии студента Иванова, – и ситуацию, которую описывает в "Бесах" Достоевский, – убийство Шатова» [2: с. 161]. Однако все остальные биографические данные в произведении англоязычного автора вымышлены, причудливо переплетаясь с персонажами и ситуациями из произведений самого Ф.М. Достоевского. Приведём лишь один пример, иллюстрирующий асимметрию биографических фактов: реально существовавший пасынок русского писателя Павел Исаев умер в 1900 г. в возрасте 52 лет, пережив своего приемного отца на 19 лет. Балансируя между фактографичностью и фикциональностью, Дж. Кутзее вовлекает читателя в постмодернистскую игру, в которой непосвященному читателю невозможно отличить реальность от вымысла. Вовлекая в семантическую игру биографию русского классика, сюжетные ситуации и героев его произведений, «Кутзее обнажает перед нами механизмы художественного творчества, показывая, как преломляются реальные события в литературном произведении» [2: с. 162].

Методологическая основа исследования

Моделируя образ русского города Петербурга, англоязычный автор вводит в художественный текст элементы инолингвокультуры, т.е. языковые

маркеры русской культурной локализации, которые позволяют Дж. Кутзее реализовать установку на аутентичное описание фактографической составляющей биофиционального повествования. Для анализа средств, вербализирующих внешнекультурные реалии, в нашем исследовании используется метод опосредованного наблюдения и экстраполяции, разработанный В.В. Кабакчи в рамках интерлингвокультурологии, лингвистической дисциплины, которая изучает языковые механизмы, обеспечивающие так называемую вторичную культурную ориентацию языка при обращении в область иноязычной культуры [16]. Методика исследовательского анализа предполагает следующие этапы: 1) выявление ксенонимов-руссизмов – «средств вербализации внешнекультурных реалий»; 2) «когнитивно-семантический анализ ксенонимов в соотношении с лежащими в основе их появления фактами исходной лингвокультуры – идионимами»; 3) дискурсивный анализ отобранных лингвистических единиц [17: с. 50].

Разработчики данной методики Е.В. Белоглазова и В.В. Кабакчи проанализировали лингвистические средства конструирования инолингвокультурной личности персонажа [18], мы же в нашем исследовании хотели бы рассмотреть лингвистические средства, используемые Дж. Кутзее для моделирования образа инолингвокультурного города.

Моделирование художественного образа инокультурного города

Заглавная метафора *«The Master of Petersburg»* («мастер/хозяин Петербурга») акцентирует связь Ф.М. Достоевского с городом на Неве, подчёркивая, что писатель создал «свой» город и населил его своими персонажами. Осведомлённый читатель, знакомый с русской литературой, уловит в этой метафоре и интертекстуальное указание на Ф.М. Достоевского как создателя художественного сверхтекста о Петербурге – Петербургского текста русской литературы. Неслучайно протагонист биофиционального повествования Кутзее существует одновременно в «реальном» Петербурге и Петербурге, созданном его произведениями.

Художественному образу, денотатом которого является реальный город, необходимо обладать признаками «относительной тождественности» как физическим, в том числе топонимическим, свойствам этого существующего в действительности объекта-города, так и «культурной значимости этого объекта для социума», которые легли в основу когнитивной базы, в которой «фиксируются стереотипные и индивидуальные представления» об этом городе [19: с. 90]. На лексическом уровне знаками действительного городского пространства являются разнообразные лексемы, которые можно обозначить как «топографические и культурно-исторические индексы» [20: с. 552].

Топографические индексы, используемые Дж. Кутзее для конструирования пространства Петербурга, представлены прежде всего урбанизмами: *Haymarket district, the Petrogradskaya district, Svechnoi Street, Gorokhovaya Street, Meshchanskaya Street, Sadovaya Street, Voznesensky Prospekt, St Gregory's* (церковь), *the Church of the Redeemer, Stolyarny Quay, the Fontanka, the Fontanka Canal, Kokushkin Bridge, Kameny Bridge, Vasilevsky Island, Yelagin Island, Petrovsky Island, the Moskovskaya quarter*, некоторые из них многократно упоминаются в тексте и являются прецедентными локусами Петербургского текста. Несколько выявленных ойкодоминов связаны с целью приезда Ф.М. Достоевского в Петербург: *the office of Judicial Investigator Councillor P.P. Maximov, the Third Section of the Imperial Police*, – полицейский участок, куда он обращается, чтобы получить бумаги пасынка; *Yakovlev's shop/ Yakovlev's* – магазин, в котором работает хозяйка квартиры, в которой проживал Павел, а эргоним *the Faculty of Philosophy* – с референцией к месту, где начались студенческие беспорядки, тематически связан с темой насилия, представленной образом Нечаева.

Обращаясь к описанию города «чужой» культуры, англоязычный писатель сталкивается с «проблемой концептуализации инокультурных явлений», так как в англоязычной картине мира нет соответствующих им понятий, и соответственно в исходном английском языке существуют «лексические лакуны» для обозначения концептов «внешней» культуры [16: с. 67–68]. Дж. Кутзее использует различные способы введения русскоязычных урбанизмов в свое биофикциональное повествование:

- транслитерированные заимствования – *the Fontanka*;
- лексическое калькирование, которое чаще всего используется для передачи ойкодоминов и эргонимов, – *the Faculty of Philosophy, the Church of the Redeemer, St Gregory's*;
- гибридные образования, в которых один элемент урбанизма заимствуется, а другой переводится, – *Sadovaya Street, Gorokhovaya Street, Stolyarny Quay, the Fontanka Canal, Kokushkin Bridge, Kameny Bridge, Vasilevsky Island, Yelagin Island, Petrovsky Island*.

Хотелось бы отметить несколько интересных случаев инолингвокультурной номинации среди гибридных образований. Например, обращает на себя внимание включение в состав годонима *Voznesensky Prospekt*, локалоида *Prospekt*, т.е. элемента легко узнаваемой международной лексики, который приводится в русскоязычной транслитерированной графике, указывающей своей «остраненной графической формой» на его «чужеродность языку описания» [16: с. 68].

Также Дж. Кутзее иногда вводит в состав гибридного образования полионим, т.е. универсальный культуроним, который можно использовать для описания как внутренней, так и внешней культуры. Этим способом облегчается понимание англоязычным читателем русскоязычных урбанизмов, но теряется точность географической референции. Проиллюстрируем этот случай несколькими примерами из биофикции «The Master of Petersburg». При передаче русского годонима «Свечной переулок» лексическая единица «переулок» заменяется полионимом «Street» (улица) – *Svechnoi Street*. В данном случае англоязычный автор не учитывает особую двойную адресацию текстов вторичной культурной ориентации, так как в сознании билингва, владеющего русским и английским языками, возникает некий когнитивный диссонанс, вызванный отсутствием согласования между формой русского атрибута мужского рода «свечной» (*Svechnoi*) и номинативной единицей женского рода «улица» (*Street*). Или для обозначения районов Петербурга, в русском названии которых используется лексема «сторона» («городские стороны») – это обобщённое наименование исторических районов Санкт-Петербурга, возникшее в начале XVIII в.), Дж. Кутзее использует два полионима *district* и *quarter* (*the Petrogradskaya district, the Moskovskaya quarter*). Эти же полионимы используются автором и для передачи годонима «округ/околоток», причём один и тот же географический денотат обозначается двумя разными гибридными образованиями: «Сенной околоток» – *Haymarket district* и *Haymarket quarter*:

(1) A droshky passes slowly down a street in the *Haymarket district* of St Petersburg. <...> 'Sixty-three *Svechnoi Street*, that's what you said' [21: с. 1–2];

(2) For an hour he wanders around the familiar streets of the *Haymarket quarter*. Then he makes his way back across Kokushkin Bridge to the inn where, under the name Isaev, he took a room earlier in the day [21: с. 3].

Мы не рассматриваем данные неточности как «небрежность в передаче русизма», являющуюся «одним из симптомов пренебрежительного отношения к русской культуре» [18: с. 103], а воспринимаем как отражение недостаточного знакомства англоязычного автора с особенностями русского языка и петербургской топографической номинации.

На первый взгляд пространство Петербурга в произведении Дж. Кутзее очень детально проработано и структурировано, что указывает на реальную фактографическую основу образа северной столицы. Например, мысленному взору читателя предлагаются даже вывески на магазинах: «*Yakovlev grocer and merchant reads the sign*» [22: с. 20], «*The brass plate advertises Atelier La Fay or La Fée, Mil-*

liner» [21: с. 37]. Однако вторая вывеска илиллюстрирует характерный для этого автора игровой приём вариации, который заключается в использовании условных и разделительных структур при изображении мыслительных процессов с целью «размытия чётко очерченных границ изображаемого», что заставляет читателя сомневаться относительно подлинности наблюдаемых объектов [22: с. 11]. Таким образом, включая реальный топографический субстрат в своё повествование, Дж. Кутзее, тем не менее, вовлекает читателя в игру «факторографичность-фикциональность»: в дальнейшем мы проиллюстрируем, что не все используемые в тексте топонимы имеют реально существующий денотат в пространстве Петербурга.

Среди историко-культурных индексов, активизирующих русский исторический дискурс, встречаются немногочисленные ксенонимы-руссизмы *droshky*, *kopecks*, *roubles*, *Decembrists*, *kruzhok* и несколько антропонимов *Stenka Razin*, *Bakunin*, *Petrashhevsky*, *Sergei Gennadevich Nechaev* (и производные *Nechaevites*, *Nechaevism*), связанных с темой насилиственных государственных переворотов и террора. В большинстве случаев Кутзее использует «адаптирующие» способы [16: с. 70] ксенонимической номинации элементов русской культуры *a tenement building*, *rooming houses*, *a street seller*, *a shop*, *fish pasties*, *a tea house*, *new boots with fluffy sheepskin fringes*, *the inn*, *a tavern*, что, возможно, объясняется выбранной автором коммуникативной-творческой стратегией – через иноязычную культуру рефлексия о политических событиях в своей стране и о глобальных проблемах современности, связанных с насилием. Лексические единицы с поликультурной референцией выполняют характерологическую функцию биофиционального текста, «выводя его за границы четко заданных локативно-временных показателей, и способствуют универсализации его глубинной содержательной основы» [22: с. 18].

В то же время «адаптирующие» способы создания инокультурного контекста, облегчая концептуализацию элементов внешней культуры, проигрывают в точности номинации. В вышеупомянутом примере 2 Дж. Кутзее заменяет русскоязычный культурный маркер англоязычным аналогом: *the inn* используется с референцией к русской лексеме «трактир». Сопоставительный семантический анализ показывает, что, несмотря на аналогичные значения соответствующих английских и русских лексических единиц, выбранная автором лексема *inn* в отличие от русского аналога не является маркером исторического дискурса:

inn – a pub where you can stay for the night, usually in the countryside [23];

трактир – (устар.) первонач. гостиница с рестораном, позднее – ресторан низшего разряда [24].

Для создания инолингвокультурного пространства могут использоваться не только отдельные лексические единицы, но и интертекстуальные отсылки и цитаты, прецедентные тексты и фигуры внешней лингвокультуры [17: с. 55]. Что касается интертекстуального пласта данного биофиционального повествования, основанного, как уже отмечалось, на произведениях протагониста, Ф.М. Достоевского, в частности «Преступления и наказания», «Записок из подполья», «Подростка», «Бесов», «Братьев Карамазовых», то он придаёт образу Петербурга скорее субъективный, вымышленный характер, представляя реальный город как плод авторского воображения.

Выстраивая городское пространство, Дж. Кутзее избирает характерную для Достоевского повествовательную стратегию, при которой город воспроизводится через восприятие «городского кочевника/urban nomad», блуждающего по лабиринту городских улиц [25: с. 111]. Однако в эпоху постмодернизма город больше не является объективной реальностью, которая трансформируется в множественную субъективность. У каждого человека своя когнитивная карта, представляющая собой сумму всех пройденных маршрутов, «*a spoor as unique as a fingerprint* (след, настолько же уникальный, как и отпечаток пальца. – перевод наш)» [26: с. 86]. В своём произведении Дж. Кутзее воспроизводит своеобразную ментальную карту Петербурга Ф.М. Достоевского, слотами которой являются прецедентные топографические объекты Петербургского текста – окрестности Сенной площади. Проследим некоторые маршруты Фёдора Михайловича в «The Master of Petersburg» – это примеры 1 и 2, а также:

(3) In the afternoons he walks the streets, avoiding the area around Meshchanskaya Street and the Voznesensky Prospekt **where he might be recognized**, stopping for an hour at a tea house, always the same one [21: с. 9];

(4) He cannot bear the thought of returning to his room. He walks **eastward along Sadovaya Street** [21: с. 19];

(5) Tomorrow is Sunday: he suggests an outing to Petrovsky Island, where in the afternoon there will be a fair and a band. <...> It is **a long walk to the park, along Voznesensky Prospekt and across the foot of Vasilevsky Island** [21: с. 24];

(6) 'My wife and Pavel are of much the same age. For a while we lived together, the three of us, **in an apartment on Meshchanskaya Street** [21: с. 25];

(7) Through the winding streets of the Moskovskaya quarter he bears the folder to Svechnoi Street, to No. 63, up the stairs to the third floor, to his room, and closes the door [21: с. 58].

Первое же предложение биофикии Дж. Кутзее (пример 1) вызывает состояние ментального дискомфорта у читателя, знакомого с географией Пе-

тербурга, так как Свечной переулок, д. 63 находится около Лиговского проспекта и не входит в состав Сенного околотка. Кокушкин мост, как и сам район Сенной площади, Мещанская улица, Вознесенский проспект и Садовая улица актуализируют дискурс Достоевского, являясь интертекстуальной аллюзией на место действия романа протагониста произведения Дж. Кутзее «Преступление и наказание». И если комментарий *where he might be recognized* с референцией к Мещанской улице в примере 3 имеет биографическую основу, так как Достоевский действительно жил на этой улице в 1861–1867 гг., о чём эксплицитно сообщается в дальнейшем тексте повествования (пример 6), то текстовая репрезентация Садовой улицы в примере 4 опять вызывает чувство удивления у билингвального читателя: «В какую сторону, наконец, идет герой, если он идет по Садовой на восток? Нет, я, конечно, могу понять куда, но разве кто-то мыслит такими категориями, как запад и восток, находясь на Садовой?» [27]. Примеры 5 и 7 представляют собой не очень точные, но достаточно правдоподобные описания прогулок по Петербургу. Выявленные неточности в ментальной репрезентации пространства реального города, с одной стороны, подтверждают тезис П. Мичел о том, что основанные на субъективной точке зрения индивида когнитивные карты всегда отклоняются от объективных географических ориентиров [25: с. 123], а с другой стороны, они отражают авторскую рефлексию об истоках творчества и связанную с ней семантическую игру «объективность-субъективность», которая в художественном тексте трансформируется в игру «факториальность-фикциональность»: Кутзее моделирует не образ Петербурга конца XIX в., а его преломление в воспринимающем сознании Достоевского.

Выбирая элементы для конструирования образа северной столицы, англоязычный автор обращается к «коду» Петербургского текста, одним из создателей которого и является Достоевский, поэтому в данном биофункциональном повествовании наблюдаются не только интертекстуальные параллели с сюжетными линиями произведений русского классика, но и использование схожих дескриптивных элементов, репрезентирующих концепт-инвариант ПЕТЕРБУРГ. В результате проведённого анализа были выявлены следующие прецедентные составляющие образа Петербурга:

а) лексикосемантические средства, репрезентирующие природную сферу – дождь, снег, ветер, холод, вода, туман, мерцающий свет, призрачность, простор, незаполненность (пустота):

(8) ...**the fields** around the skaters' pond **bare** save for strutting gulls [21: c. 24];

(9) A high **wind** blows scuds of **rain** before it and whips up the black **waters** of the canal. The **lampposts**

along the **bare** embankment **creak** in a concert of jangling. From roofs and gutters comes **the gurgle of water**. <...> Under a **crazily swinging lamp** she stops. **Light and shadow play** across her face [21: c. 45];

(10) At once **the wind** begins to tug at them. <...> Now for the rest of my life I will have this before my eyes **like ghost-vision**: the roofs of St Petersburg **glinting** in the **rain**, the row of tiny lamps along the quayside. <...> The **moon is obscured**, they are lashed by **gusts of rain** [21: c. 46];

(11) 'On the ferry, when you took me to see Pavel's grave,' he says, 'I watched you and Matryosha standing at the rail staring into **the mist** – you remember **the mist** that day [21: c. 54];

б) лексикосемантические средства, репрезентирующие социально-экономическую сферу – «необыкновенная скученность населения», нищество, «жизнь в безвыходных условиях» [20] – нижеследующие примеры, а также примеры 16 и 19:

(12) He has a disagreeable presentiment that he has tangled himself with **one of those beggars** who, unable to juggle or play the violin, feel they must repay alms with the story of their life [21: c. 34];

(13) The man strikes a match and lights a lamp. Almost **under their feet are three people huddled together in a bed of sacking** [21: c. 46];

(14) It is six o'clock and **the streets are still thronged** when he hastens out bearing his parcel. He follows *Gorokhovaya Street to the Fontanka Canal*, and joins **the press of people** crossing the bridge [21: c. 84];

в) лексикосемантические средства, репрезентирующие духовно-культурную сферу, – это уже упоминавшийся литературный дискурс Ф.М. Достоевского, социально-революционный дискурс, представленный идеологией Нечаева, а также эсхатологический миф Петербурга, который актуализируется в следующем текстовом фрагменте лексемами «*the pitiless stars*», «*a word in Hebrew characters*», «*a condemnation*», «*a curse*»:

(15) He has a vision of Petersburg stretched out vast and low under **the pitiless stars**. Written in a scroll across the heavens is **a word in Hebrew characters**. He cannot read the word but knows it is **a condemnation, a curse** [21: c. 8].

Пространство Петербурга представлено некоторыми точечными локусами.

1. Доходный дом (*a tenement building*) № 63 на Свечной улице, в котором снимал комнату пасынок главного героя и проведёт большую часть своего пребывания в Петербурге протагонист – когнитивная доминанта «беднота» (*the very poorest*):

(16) Before a tall tenement building the driver reins in his horse. <...> 'Sixty three Svechnoi Street, that's what you said.' <...> Beneath **scarred and peeling exteriors** **the older houses** of the Haymarket still retain some of their original elegance, though most have by

now become **rooming houses** for clerks and students and working folk. In the spaces between them, sometimes sharing walls with them, have been erected **rickety wooden structures** of two or even three storeys, **warrens of rooms and cubicles, the homes of the very poorest** [21: с. 1–2].

Описание дома, расположенное в сильной позиции начала повествования, настраивает читателя на определённый образ Петербурга XIX в. – Петербурга нищеты и разложения. Этот микрообраз даёт основную тему в авторской репрезентации русской столицы.

2. Лавка (*a shop*), в которой работает хозяйка, сдавшая Ф.М. Достоевскому комнату, – доминанта «мрака» (*gloom*), представленная также лексемами *dark and low, half beneath street level*:

(17) He has not been to the shop before. It is smaller than he had imagined, **dark and low, half beneath street level**. Yakovlev grocer and merchant reads the sign. A bell tinkles when he opens the door. His eyes take a while to adjust to the *gloom* [21: с. 20].

3. Дроболитная башня (*the old shot tower*), с которой, предположительно, сбросился Павел, покончив жизнь самоубийством, – когнитивная доминанта «заброшенность» (*disused*):

(18) *The tower on Stolyarny Quay* has stood since Petersburg was built, but **has long been disused**. Though there is **a painted sign warning off trespassers**, it has become **a resort for the more daring boys of the neighbourhood**, who, via a spiral of iron hoops set in the wall, climb up to the furnace-chamber a hundred feet above ground level, and even higher, to the top of the brick chimney. <...> **The great nail-studded doors are bolted and locked**, but **the small back door has long ago been kicked in by vandals**. **In the shadow of this doorway** a man is waiting for them. <...> Inside, the air smells of ordure and mouldering masonry. **From the dark** comes a soft stream of obscenities [21: с. 45–46].

Странно отметить, что, несмотря на детальную прорисованность дроболитной башни на Столярной набережной, ни такой набережной, ни самой башни не существовало в городском пространстве Петербурга, что вызывает чувство негодования у билингвального читателя, знакомого с картографией русской северной столицы: «До этой книги романы Кутзее мне нравились. Действие в них происходило в абстрактных или просто очень далеких местах. А тут главный герой – Достоевский, место действия понятно по названию, и оказалось, что книгу Кутзее на более-менее близком мне материале я читать не могу. Постоянно начинаешь задумываться: что это за дроболитная башня на Столярной набережной, откуда автор взял и эту башню, и эту набережную?» [27]. Этот вымышленный городской

локус актуализирует автобиографический дискурс в повествовании о Достоевском.

4. Подвал одного из домов на Сенном рынке (*a cellar room*), в который русского классика приводит анархист Нечаев. Этот микрообраз представляет собой квинтэссенцию основных тем, используемых Кутзее для презентации русской столицы того времени в своём повествовании, с когнитивной доминантой «жизнь на пороге смерти» (*waiting for the angel of death*):

(19) They are in a cellar room so low that he has to stoop, lit only by a small papered window at head height. **The floor is of bare stone**; even as he stands, he can feel the cold creeping through his boots. Pipes run along the angle of the floor. There is a smell of damp plaster, damp brick. Though it cannot be so, sheets of water seem to be descending the walls.

Across the far end of the cellar a rope has been spanned, over which hangs **washing as damp and grey as the room itself**. Under the clothesline is a bed, on which sit three children in identical postures, their backs to the wall, their knees drawn up to their chins, their arms clasped around their knees. Their feet are bare; they wear linen smocks. The eldest is a girl. Her hair is greasy and unkempt; mucus covers her upper lip, which she licks at languidly. Of the others, one is a mere toddler. There is no movement, no sound from any of them. Through rheumy, incurious eyes they gaze back at the intruders. <...>

He turns and looks across **the damp cellar room**. What does he see? Three **cold, famished children waiting for the angel of death**. <...>

All you see are **the miserable material circumstances of this cellar**, in which not even a rat or a cockroach should be condemned to live. You see the pathos of three **starving children**; if you wait, you will see their mother too, who to bring home a crust of bread has to sell herself on the streets. You see how **the poorest of our black poor of Petersburg** have to live [21: с. 70].

Попадая в этот тёмный подвал, главный герой становится невольным свидетелем жизни городской бедноты Петербурга. В описании жилища гла-венствуют четыре чувственных образа: крошечность, темнота, холод и сырость. В этом ужасающем подвальном помещении обитают трое голодающих и изможденных детей, ожидающих прихода смерти. По мнению некоторых исследователей, созданные образы не только фокусируют внимание читателя на бесчеловечных условиях существования обездоленных бедняков в России XIX в., но и реализуют южно-африканский политический дискурс в переломный для этой страны, терзаемой многими социальными и расовыми противоречиями, момент [2; 3; 6].

Тема смерти задаётся с самого начала биофикции ключевым для Кутзее образом «Кладбища» (*The cemetery*), которому посвящена одноимённая вторая глава. Мысли главного героя на протяжении всего повествования постоянно возвращаются к могиле его пасынка на Елагином острове, поэтому этот локус и микрообраз можно назвать доминантными в пространственно-образной системе данного произведения.

Проанализируем лингвокультурологический компонент создаваемого художественного образа, выраженного инсулонимом *Yelagin Island*, для адекватной концептуализации которого в англоязычном повествовании автор использует словообразовательную модель «гибридное образование». Эта лексическая единица выступает маркером двойной адресации, типичной для постмодернистских повествований. С одной стороны, лексема *Island* (остров) ориентирована на восприятие европейским англоязычным читателем, в сознании которого она активизирует древние мифологические представления. Кладбище неслучайно располагается на острове, добраться на который можно только на пароме через реку. В европейской культуре река является мифологическим символом, воплощающим представления о «стержне», который пронизывает верхний, средний и нижний миры. Образ нижней (подземной реки) тесно связан со смертью, с душами умерших и судом над ними в загробном мире, а мотив паромной переправы ассоциируется с переправой душ мертвых через реку забвения Лету в древнегреческой мифологии [28]. Подтверждением данной интерпретации служат размышления главного героя в главе 3 «Pavel», уже после посещения кладбища:

(20) As for life on the other side, he has no faith in it. He expects to spend eternity on a **river bank** with **armies of other dead souls**, waiting for a barge that will never arrive. The air will be cold and dank, the black waters will lap against the bank, his clothes will rot on his back and fall about his feet, he will never see his son again [21: c. 7].

Ожидание баркаса (*waiting for a barge*) на берегу реки (*on a river bank*) вместе с армиями умерших душ (*with armies of other dead souls*), чтобы перевиться в потусторонний мир (*life on the other side*), соответствуют мифологеме, активируемой словом *Island* (остров).

С другой стороны, обращаясь к читателю-билингву, который знает город на Неве, использованием топонима *Елагин остров* автор вовлекает его в игру в семантическом поле «фактографичность-фикциональность», так как в данном случае наблюдается асимметрия референтных отношений, характерная для постмодернистских биофикциональных повествований: денотатом является реаль-

ный остров, расположенный в дельте Невы, на территории которого никогда за всю его историю не располагалось кладбища, а только дворец и парковый ансамбль. Как видим, англоязычный писатель использует лингвистическую единицу, отсылающую к географическому объекту, входящему в пространство Санкт-Петербурга, не с целью достоверного отображения географии города, а для решения своей лингвокреативной задачи, т.е. использует механизм фикционализации при моделировании художественного образа реально существующего города. Данный пример подтверждает тезис о том, что референция посредством использования топографического индекса может быть «иллюзорной или вводящей в заблуждение (illusory or misleading)» [29: c. 25].

Заключение

Художественный образ города, фиксирующий в тексте представления автора о реально существующем урбанистическом объекте, базируется на уникальном образе города в пространстве национальной культуры. На лексическом уровне пространственная модель города основывается на топонимах и собственных именах других социально значимых материальных объектов культуры, в значении которых объединяется лингвистическая и экстралингвистическая (лингвокультурная) информация. При включении русского города в художественное пространство англоязычного повествования вышеизложенные языковые единицы служат маркерами русскоязычной культурной локализации и позволяют Дж. Кутзее реализовать установку на аутентичное моделирование инолингвокультурного контекста.

Однако, несмотря на тот факт, что писатель вводит в ткань художественного текста различные лингвокультурные средства (разнообразные топонимы, ксенонимы, прецедентные имена и интертекстуальные отсылки), в биофикции «The Master of Petersburg» представлен вымыщленный и сконструированный в соответствии с авторским замыслом образ Петербурга, основанный на асимметрии денотативно-референтных отношений и обладающий несуществующими топографическими объектами, что вызывает когнитивный диссонанс у билингвального читателя. Каждое знаковое событие в жизни главного героя сопровождается штрихами, показывающими Петербург: его обветшальные здания, замёрзшие каналы, длинные, продуваемые со всех сторон улицы и промозглую погоду, – а также то, что скрыто внутри: обшарпанные перенаселённые доходные дома и зловонные холодные подвалы – пристанище бедняков и нищих. Метафорический ряд, который выстраивает англоязычный автор Дж. Кутзее для описания Петербурга, поразительно соответствует образу Петербурга из романов русского классика Ф.М. Достоевского.

Список источников

1. Чудинова В.И. Диалог с Ф.М. Достоевским в романе Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге» // Филологический журнал. 2011. № 18. С. 38–42.
2. Струкова Е.А. Мифологизированный образ русского писателя в романе-псевдobiографии Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге» // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 159–169.
3. Civieri A. The Master of Petersburg: Coetzee and Dostoevsky Merging through Fiction // Iperstoria. 2015. Vol. 5. P. 72–81.
4. Бутенина Е.М. Исповедальность Достоевского и современный американский роман о подростке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 2 (34). С. 179–188.
5. Чемодурова З.М. Стратегии создания современного англоязычного автобиографического текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 52–59.
6. Uhlmann A. Excess as Ek-stasis: Coetzee's The Master of Petersburg and Giving Offense // The Comparatist. 2014. Vol. 38. P. 54–69.
7. Палкевич О.Я. Неконгруэнтность как когнитивный механизм комического (на материалах российских телевизионных скетчей) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 5. (Серия: Гуманитарные и социальные науки). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekongruentnost-kak-kognitivnyy-mehanizm-komicheskogo-na-materiale-rossiyskih-televizionnyh-sketchey> (дата обращения: 14.10.2021).
8. Чемодурова З.М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 55–64. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-55-64.
9. Lackey M. Introduction // Biographical fiction: A reader / Ed. by M. Lackey. New York : Bloomsbury Academic, 2017. xv, 466 p.
10. Быстров Я.В. Объектная организация биографического нарратива: типология референтных отношений // Polilog. Studia Neofilologizne. 2015. № 5. P. 231–239.
11. Viart D. Naissance moderne et renaissance contemporaine des fictions biographiques // Fictions biographiques. XIX e – XX e siècles / A.-M. Monluçon et A. Salha dir. Toulouse : Presses universitaires du Mirail, 2007. P. 35–54.
12. Monluçon M., Salha A. Introduction. Fictions biographiques XIXe–XXIe siècles: un jeu sérieux? // Fictions biographiques. XIX e – XX e siècles / A.-M. Monluçon et A. Salha dir. Toulouse : Presses universitaires du Mirail, 2007. P. 7–34.
13. Клейменова В.Ю. Предположительная недостоверность в текстах non-fiction: онтология и репрезентация // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 67–74.
14. Муравьева Л. Е. Литература энактивизма: экзофикации (exofiction) в современной французской литературе // Материалы XLIX Международной научной филологической конференции, посвященной памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 16–24 октября 2020). URL: <https://conference-spbu.ru/conference/42/reports/13516/> (дата обращения: 02.12.2021).
15. Клепикова Т.А. Эпистемическая провокации и эпистемическая бдительность: дискурсивная практика эпохи постправды // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 3 (46). С. 48–54.
16. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2018. 250 с.
17. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. Т. 17, № 3. С. 49–59. (Серия 2: Языкознание). DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.5.
18. Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В. Лингвистические средства конструирования инолингвокультурной личности персонажа в художественной и нехудожественной литературе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17, № 1. С. 100–106. DOI 10.31079/1992-2868-2020-17-1-100-106.
19. Прокофьева В.Ю. Категория «пространство» в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 87–95.
20. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
21. Coetzee J. M. The Master of Petersburg. URL: <https://lifelife.club/books/94072> (accessed: 01.02.2021).
22. Константинова Н.В. Лингвостилистические особенности прозы Дж.М. Кутзее : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 22 с.
23. Cambridge Dictionary of Contemporary English. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 20.11.2021).
24. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова (ред.). 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 1999. 944 с.
25. Mitchell P. Cartographic strategies of postmodernity: The figure of the map in contemporary theory and fiction. Routledge, 2013. 192 p.
26. Raban J. Soft City: Picador Classic. London : Pan Macmillan, 2017. 304 p.
27. Певишева В. Рецензия на «Осень в Петербурге» Дж. Кутзее. URL: <https://www.livelib.ru/review/751211-osen-v-peterburge-dzhozef-m-kutzee> (дата обращения: 20.11.2021).
28. Мифы народов мира. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 28.10.2019).
29. Könönen M. "Four Ways of Writing the City": St. Petersburg-Leningrad as a Metaphor in the Poetry of Joseph Brodsky. Helsinki : Helsinki University Press, 2003. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/14914836.pdf> (accessed: 25.06.2021).

References

1. CHudinova V.I. Dialog s F.M. Dostoevskim v romane J. M. Coetze «Osen' v Peterburge» [Dialogue with F. M. Dostoevsky in the novel *Autumn in Petersburg* by J.M. Coetze] // Filologicheskij zhurnal. 2011. № 18. P. 38–42. (In Russ.).
2. Strukova E.A. Mifologizirovannyj obraz russkogo pisatelya v romane-psevdobiografi J.M. Coetze «Osen' v Peterburge» [Mythologized image of a Russian author in the pseudobiographical novel *Autumn in Petersburg* by J. M. Coetze] // Nauchnyj dialog. 2016. № 1 (49). P. 159–169. (In Russ.).
3. Civieri A. The Master of Petersburg: Coetzee and Dostoevsky Merging through Fiction // Iperstoria. 2015. Vol. 5. P. 72–81.
4. Butenina E.M. Ispovedal'nost' Dostoevskogo i sovremennyj amerikanskij roman o podrostke [Dostoevsky's confessionary nature and a contemporary American novel about a teenager] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. 2016. № 2 (34). P. 179–188. (In Russ.).

5. CHemodurova Z.M. Strategii sozdaniya sovremennoogo angloyazychnogo avtobiograficheskogo teksta [Strategies for creating a contemporary English autobiographical text] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2019. № 192. P. 52–59. (In Russ.).
6. Uhlmann A. Excess as Ek-stasis: Coetzee's the Master of Petersburg and Giving Offense // *The Comparatist*. 2014. Vol. 38. P. 54–69.
7. Palkevich O.Ya. Nekongruentnost' kak kognitivnyj mehanizm komicheskogo (na materiale rossijskih televizionnyh sketchej) Non-congruence as a cognitive mechanism of the comic (based on Russian television sketches) // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekongruentnost-kak-kognitivnyy-mehanizm-komicheskogo-na-materiale-rossijskih-televizionnyh-sketchey>; (accessed: 14.10.2021). (In Russ.).
8. CHemodurova Z.M. Kognitivnyj dissonans kak komponent interpretacionnoj programmy postmodernistskogo hudozhestvennogo teksta [Cognitive dissonance as a component of interpretation program of post-modernist fiction text] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2019. № 2. P. 55–64. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-55-64. (In Russ.).
9. Lackey M. Introduction // *Biographical fiction: A reader* / Ed. by M. Lackey. New York : Bloomsbury Academic, 2017. xv, 466 p.
10. Bystrov Ya.V. Ob"ektnaya organizaciya biograficheskogo narrativa: tipologiya referentnyh otnoshenij [Object organization of a biographical narration: referential relation typology] // *Polilog. Studia Neofilologizne*. 2015. № 5. P. 231–239. (In Russ.).
11. Viart D. Naissance moderne et renaissance contemporaine des fictions biographiques // *Fictions biographiques. XIX e – XX e siècles* / A.-M. Monluçon et A. Salha dir. Toulouse : Presses universitaires du Mirail, 2007. P. 35–54.
12. Monluçon M., Salha A. Introduction. Fictions biographiques XIXe–XXIe siècles: un jeu sérieux? // *Fictions biographiques. XIX e – XX e siècles* / A.-M. Monluçon et A. Salha dir. Toulouse : Presses universitaires du Mirail, 2007. P. 7–34.
13. Klejmenova V.Yu. Predpolozhitel'naya nedostovernost' v tekstah non-fiction: ontologiya i reprezentaciya [Presuppositional non-authenticity in non-fiction texts: ontology and representation] // *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena*. 2019. № 192. P. 67–74. (In Russ.).
14. Murav'eva L.E. Literatura enaktivizma: ekzofikshn (exofiction) v sovremennoj francuzskoj literature [Literature of enactivism: exofiction in contemporary French literature] // *Materialy XLIX Mezhdunarodnoj nauchnoj filologicheskoy konferencii, posvyashchennoj pamjati Lyudmily Alekseevny Verbickoj (Sankt-Peterburg, 16–24 oktyabrya 2020)*. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/42/reports/13516/> (accessed: 02.12.2021). (In Russ.).
15. Klepikova T.A. Epistemicheskaya provokacii i epistemicheskaya bditel'nost': diskursivnaya praktika epochi post-pravdy [Episemic provocations and epistemic vigilance: discourse practice of the post-truth epoch] // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2021. Vyp. № 3 (46). P. 48–54. (In Russ.).
16. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu*. [Introduction to Interlinguoculturology]. 2-e edn., revised. Moscow : Yurajt, 2018. 250 p. (In Russ.).
17. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. Diskurs angloyazychnogo opisaniya russkoj kul'tury: perspektivy korpusnogo issledovaniya [Discourse of the English description of Russian culture: perspectives of corpus research] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie*. 2018. Vol. 17. № 3. P. 49–59. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.5. (In Russ.).
18. Beloglazova E.V., Kabakchi V.V. Lingvisticheskie sredstva konstruirovaniya inolingvokul'turnoj lichnosti personazha v hudozhestvennoj i nekhudozhestvennoj literature [Linguistic means to construct other culture personality of a character in fiction and non-fiction literature] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2020. Vol. 17, № 1. P. 100–106. DOI 10.31079/1992-2868-2020-17-1-100-106. (In Russ.).
19. Prokof'eva V.Yu. Kategorija «prostranstvo» v hudozhestvennom prelomenii: lokusy i toposy [The SPACE category in literary interpretation] // *Vestnik OGU*. 2005. № 11. P. 87–95. (In Russ.).
20. Toporov V.N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy*. [Petersburg text of Russian literature]. Saint Petersburg : Iskusstvo-SPB, 2003. 616 p. (In Russ.).
21. Coetzee J. M. The Master of Petersburg. URL: <https://litlife.club/books/94072> (accessed: 01.02.2021).
22. Konstantinova N.V. *Lingvostilisticheskie osobennosti prozy J. M. Coetze* [Linguastyletic features of the prose by J.M. Coetze] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2009. 22 s. (In Russ.).
23. *Cambridge Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 20.11.2021).
24. *Tolkovoj slovar' russkogo yazyka* [The Russian language dictionary] / S. I. Ozhegov, N. YU. SHvedova (eds.). 4th edn. Moscow : Azbukovnik, 1999. 944 s. (In Russ.).
25. Mitchell P. *Cartographic strategies of postmodernity: The figure of the map in contemporary theory and fiction*. Routledge, 2013. 192 p.
26. Raban J. *Soft City: Picador Classic*. London : Pan Macmillan, 2017. 304 p.
27. Pevisheva V. Recensiya na «Osen' v Peterburge» J. Coetze. [Review on *Autumn in Petersburg* by J. Coetze] URL: <https://www.livelib.ru/review/751211-osen-v-peterburge-dzhozef-m-kutzee> (accessed: 20.11.2021). (In Russ.).
28. Mify narodov mira. [Myths of the world]. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (accessed: 28.10.2019). (In Russ.).
29. Könönen M. "Four Ways of Writing the City": St. Petersburg-Leningrad as a Metaphor in the Poetry of Joseph Brodsky. Helsinki : Helsinki University Press, 2003. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/14914836.pdf> (accessed: 25.06.2021).

Информация об авторе

Н.А. Урусова – тьютор департамента иностранных языков.

Information about the author

N.A. Urusova – a tutor, Foreign Languages Department.

Статья поступила в редакцию 17.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 17.01.2022.
The article was submitted 17.12.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 17.01.2022.